

Поцелуй

Герцог Руджиеро устал на охоте. День выдался счастливый.

Не успевал герцог убить одну серну, как прямо из-под ног его лошади вылетала другая.

Герцог нёсся за ней, и едва успевал спустить меткую стрелу с тетивы, — как из кустов вылетала новая серна. Серны, как молнии, мчались там, здесь, тут. Солнце светило то впереди Руджиеро, то позади, то с правого бока, то слева.

В конце гонцов, Руджиеро заблудился, — и когда оглянулся, солнце тонуло уж в море. Словно насмерть раненный, день умирал, — и его густой кровью был залит закат.

Руджиеро остановился под большим, развесистым деревом, расседлал и стреножил коня, — дал обет завтра, утром, помолиться мадонне вдвое дольше, положил под голову седло и, усталый, лёг под деревом. В это время свежий ветерок, который всегда бежит по земле от заката, зашелестел в листьях дерева, — и дерево сказало Руджиеро:

— Спокойной ночи, милый рыцарь!

— С нами святая Розалия, святая Агата, святая Катерина! — вскочил Руджиеро. — Кто тут говорит?

Он обошёл дерево кругом, — никого, — положил под голову седло и лёг.

А дерево сказало:

— Пусть хорошие сны тебе предвещают счастье наяву!

Руджиеро вскочил.

— Кто говорит тут?

Но дерево стояло перед ним молчаливое, только шелестя листьями.

Руджиеро вынул кинжал и ударил в дерево. Словно масло, разрезал кинжал кору. Дерево молчало. Но вот кинжал, видно, тронул древесину.

Стон вырвался у дерева, так что Руджиеро отдёргнул руку: на конце кинжала теплилась капля крови.

— Буд проклята вся нечистая сила! — крикнул Руджиеро и обнажил свой святой меч.

Этот меч достался Руджиеро от отца. Задумав идти на освобождение гроба господня, отец Руджиеро призвал капеллана, при нём обнажил свой меч и дал страшную клятву не класть меча в ножны, пока святой гроб не будет освобождён. Когда Иерусалим был освобождён из рук неверных, — отец Руджиеро, стоя на коленях в белой рубашке перед гробом господним, вложил меч в ножны и сказал:

— Я выполнил, господи, клятву. Теперь даю другую. Отныне этот меч будет вынут из ножен только во славу господню!

На смертном одре, передавая Руджиеро свой меч в ножнах, отец сказал:

— Дай клятву, что ты обнажишь этот святой меч только во славу господню.

И Руджиеро сказал:

— Аминь.

Руджиеро обнажил теперь меч и воскликнул:

— Во славу господню!

И изо всей силы ударил мечом по дереву. Страшным криком закричало дерево. Руджиеро рубил. Словно клочья тёплого, ещё трепещущего мяса, летели щепки.

Кровь лилась из дерева и брызгами летела кругом. Дерево кричало, стонало. И чем больше оно вопило, чем сильнее лилась кровь, — тем больше распалялся Руджиеро и рубил святым мечом. Наконец, дерево расколосось, и из него вышла в богатом, но странном уборе девушка такой красоты, что Руджиеро отступил, и святой меч бессильно опустился у него в руке.

— Не бойся меня! — сказала девушка, улыбаясь, как ангел. — Я такой же человек, как и ты!

— Я никого и ничего не боюсь! — пробормотал смущённый Руджиеро.

Девушка, любуясь, смотрела на него, на зелень, на траву, на деревья, на небо.

— Триста лет я не видала всего этого! — воскликнула она, всплеснув руками.

— Триста?! — с изумлением воскликнул Руджиеро. — Да на вид тебе не больше пятнадцати!

Девушка кивнула головой:

— Именно в этом возрасте меня и заточил демон в дерево за то, что я не хотела, забывши бога, отдаться ему. Он похитил меня накануне свадьбы.

— У тебя был жених?

Руджиеро показалось это неприятным. Девушка улыбнулась презрительной улыбкой:

— Он знал, что я заключена в дереве. Он слышал стоны. Но боялся даже подойти. Он умер, женившись на другой. Нет, я не люблю моего жениха.

— Кто же ты, и как тебя зовут? — спросил Руджиеро.

— Меня зовут принцессой Розамундой, — и моему отцу принадлежал тот замок, в котором живёшь теперь ты, Руджиеро. И земли, которыми владеешь ты, должны были идти в приданое за мной. Тому минуло триста лет! — с грустью закончила она.

Руджиеро стоял смущённый.

— И такая неправда была на земле триста лет.

— Под этим деревом часто люди ложились отдыхать, — но, лишь услышав, что дерево говорит, кидались прочь, куда глаза глядят! Пока не пришёл ты, храбрый витязь, со святым мечом.

— Как же нам устроиться на ночлег? — с недоумением оглянулся Руджиеро.

— Если хочешь, поедem, — она улыбнулась, — в наш замок. Я отлично помню дорогу. Я только о ней и думала триста лет!

Руджиеро снова оседлал коня, посадил Розамунду впереди себя, и они поехали в замок.

Ещё подсаживая принцессу на коня, Руджиеро подумал: «А она-таки тяжёленька для такой девушки!» Теперь же, поддерживая Розамунду на седле, он думал: «Словно из железа слита. Не то, что наши женщины, — человеку дотронуться страшно! Вот это была бы жена рыцарю!»

Три дня ходил мрачный по замку Руджиеро, а на четвёртый ещё мрачнее пришёл к Розамунде и сказал:

— Мне чужого, видит господь, не нужно. Но и уходить из этого замка, где я родился, где умер мой отец, мне было бы тоже тяжело. Что сказала бы ты, принцесса, если бы тебя стали звать герцогиней Руджиеро?

Принцесса улыбнулась:

— Не успела я освободиться из дерева, а меня хотят заточить в каменную башню. Впрочем, на этот раз я сама готова молить бога, чтоб просидеть здесь триста лет.

И взглянула на Руджиеро так, что кровь прилила юноше к голове.

Он позвал своего капеллана и сказал:

— Приготовь, отец, на завтра капеллу. Да укрась её получше: ты будешь венчать меня с принцессой Розамундой.

И наавтра, в присутствии всех вассалов, Руджиеро и Розамунда стали мужем и женой пред господом богом и добрыми людьми.

Ног под собой не чувствовал от радости Руджиеро, когда шёл из церкви.

Ног под собой не чувствовала от радости Розамунда, когда шла с Руджиеро из церкви.

Но Руджиеро показалось, что кто-то шепчет ему на ухо. Руджиеро прислушался.

— А ведь жена-то твоя из дерева! — сказал голос и засмеялся.

— Экую невидаль сообщает мне сатана! Кому ж как не ему? Будто я сам не знаю! — подумал Руджиеро.

— А ведь жена у тебя из дерева! — шепнул ему голос в другое ухо и захохотал.

И от этого хохота холодком повеяло в сердце Руджиеро. Когда они остались одни, — Руджиеро взял свою жену за плечо:

— Теперь ты...

И остановился, словно онемел. Плечо было деревянное. Он схватил её руку. Сквозь платье чувствовалось дерево. Руджиеро схватился за голову.

— Будь ты проклята, чёртова колдунья! — завопил он. — Почему ты раньше не сказала мне, что ты деревянная?!

И он схватился за меч.

— Не убивай меня! — в ужасе, в слезах закричала Розамунда и упала на колени.

И стук дерева по каменным плитам заставил от ужаса и отвращения задрожать Руджиеро.

— Не убивай меня! Какая же я колдунья, если я принимала благословение святого отца! А почему я не сказала тебе раньше? Звёзды по ночам, когда я сидела у окна, спорили с моими слезами: их больше или слёз моих. И были побеждены. Почему я не сказала тебе? Разве моя вина, что я с первого взгляда так полюбила тебя? Не убивай меня! Ты сильный и мудрый! Разрушь чары злого духа!

Руджиеро приказал сложить во дворе замка костёр и собрать всех старух из своих владений.

— Слушайте вы, ведьмы! — сказал он. — Видите, что это?

— Костёр, как будто! — дрожа, отвечали старухи.

— Вы все, я знаю, колдуньи. Все, сколько здесь есть! Так вот что. Моя жена испорчена. Это всё штуки дьявола. Вы ему служите, — вы и расколдуете мою жену. Слушайте: или через три дня моя жена будет, как все женщины, или я вас сожгу во славу божию!

Три ночи подряд колдовали старухи. Варили снадобье, пели, плясали голые. Творили бесчинства. С ужасом и отвращением сидела среди них Розамунда. В ужасе дрожал весь замок, когда исступлённые старухи выли, призывая сатану.

А на четвёртый день, утром, на дворе замка ярко вспыхнул костёр, и старухи с воем, в корчах, сгорели в пламени во славу господню: Розамунда оставалась, как была — деревянной. Руджиеро призвал к себе своего капеллана:

— Большую ошибку я сделал в отчаянии, что обратился к помощи дьявола. Хорошо, что поправил ошибку тем, что сжёг ведьм на костре. Вот что, отец. Созови со всей Сицилии всех отцов, всех братьев-монахов, известных праведной жизнью я тем, что они угодны господу. Изгоните дьявола из моей жены.

Капеллан разослал гонцов по всей Сицилии. И в замок начали стекаться монахи, патеры из всех церквей, из всех монастырей.

Шестьдесят патеров отслужили торжественную мессу. В хоре пело восемьдесят монахов.

И они принялись заклинять Розамунду, изгоняя из неё беса. Самые страшные заклятия говорили они вплоть до самого вечера.

Даже бесстрашный Руджиеро дрожал от ужаса, глядя на это. Розамунда в ужасе, с криками, каталась по полу. И слышался стук дерева по каменным плитам. Измученные патеры и монахи замолчали, переглянулись, — и самый старший из них, отшельник, седой, как лунь, столетний, сказал:

— Больше мы не знаем заклинаний. Больше заклинаний нет!

И они молча пошли из замка.

В горе, в отчаянье вернулись Руджиеро и Розамунда в замок. Она сидела и рыдала. Он стоял у окна.

Выла весна. Цвели апельсиновые деревья. Словно замороженный стоял сад, облитый лунным светом. На ветку около самого окна прилетел соловей и рассыпался трелью. Сердце перевернулось у Руджиеро.

— Всё зовёт к любви. А мы?.. Ни на небе, ни в аду нет средства сделать нас счастливыми.

И Руджиеро глядел на благоухающую, цветущую землю.

— А на земле? — щёлкнул вдруг соловей.

Руджиеро с ужасом взглянул на него.

— Мне послышалось.

И он продолжал думать:

«Ни огонь, ни вода, ничто не может вернуть Розамунде человеческую прелесть».

— А поцелуй? — щёлкнул соловей.

Закатился трелью, словно расхохотался, и упорхнул, прежде чем Руджиеро успел опомниться.

Руджиеро повернулся и подошёл к плачущей Розамунде, с дрожью взял её за твёрдые, деревянные плечи. Она с глубоким страданием взглянула ему в глаза. Он нагнулся и долгим, долгим поцелуем поцеловал её в уста. И вдруг почувствовал он сквозь платье, что под его руками затрепетало мягкое, тёплое, человеческое тело.

— Розамунда! — радостно вскрикнул он и безумно стал целовать губы, тёплые, влажные, открытые. — Розамунда!

Она трепетала всем телом, гибким, мягким и нежным. И они смеялись от радости, как дети.

— Давно бы ты поступил так! — говорила Розамунда, отвечая на поцелуи Руджиеро.

— Но почему ж ты мне не сказала?

— Я не знала!

А соловей, где-то в пахучих ветвях кудрявого апельсинного дерева, закатывался трелью за трелью, — словно умирал от хохота над недогадливостью людской. А луна лила свой яркий свет, и цветы благоухали. И казалось, что это благоухает лунный свет. Так была исцелена принцесса Розамунда, герцогиня Руджиеро.

Я записал эту легенду так, как её только что слышал, так, как она выросла вместе с другими цветами на этом прекрасном острове, под голубым небом и горячим солнцем.